

## ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.31857/S086919080005959-1

КОЧЕВОЕ СКОТОВОДСТВО В КАЗАХСТАНЕ И МОНГОЛИИ  
КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В XX–XXI вв.

© 2019

И. В. ДЕРЮГИНА

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия  
ORCID ID: 0000-0002-8040-1810; irina-vd@mail.ru

**Резюме:** В статье рассматривается ретроспективная динамика и трансформация кочевого скотоводства в Казахстане и Монголии в XX–XXI вв. Политические реалии, с одной стороны, развели векторы развития аграрной экономики этих двух стран, а с другой – выявили сохраняющуюся идентичность в области институтов скотоводческого типа организации сельского хозяйства. В статье поставлена задача – проанализировать живучесть кочевой формы животноводства. Особое внимание уделено социально-экономическим изменениям в секторе животноводства Казахстана и Монголии в период социалистического развития 1920–1990-х гг., а также условиям частичной или полной «реномадизации» с начала 1990-х гг. На базе статистических материалов охарактеризовано современное состояние животноводства в Казахстане и Монголии, выявлены основные проблемы. С начала 1990-х гг. животноводческий сектор Казахстана пережил коллапс, поголовье скота к началу 2000-х гг. сократилось в три раза. Только после 2005 г. началось восстановление поголовья скота, главным образом в личных хозяйствах населения. В результате сосредоточение производства мяса в мелких хозяйствах привело к низкой товарности и к необходимости импортных закупок. В Монголии развивается практически только животноводческий сектор – в 2010-х гг. поголовье скота увеличилось в два раза, в то же время производство зерна в стране за период 1990–2017 гг. сократилось в три раза. Внутренний спрос на зерно обеспечивался главным образом за счет импорта. Для Монголии изучены дисбалансы воспроизводства в кочевом скотоводстве, возникшие в связи с быстрым ростом поголовья скота в 2010-х гг. – соотношение количества скота и численности рабочей силы, увеличение количества скота и сокращение периода восстановления пастбищ, избыточное производство мяса и недостаток производственных мощностей для его переработки, отсутствие рынков сбыта. В статье поставлен вопрос: можно ли рассматривать кочевое животноводство как специфический «технологический способ производства» в сельском хозяйстве стран Восточной и Центральной Азии?

**Ключевые слова:** Казахстан, Монголия, кочевое скотоводство, производство мяса, пастбища.

**Для цитирования:** Дерюгина И. В. Кочевое скотоводство в Казахстане и Монголии как фактор развития сельского хозяйства в XX–XXI вв. *Восток (Oriens)*. 2019. № 4. С. 95–105. DOI: 10.31857/S086919080005959-1

NOMADIC CATTLE BREEDING IN KAZAKHSTAN AND MONGOLIA  
AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURE  
IN THE XX–XXI CENTURIES

© 2019

Irina V. DERYUGINA

Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia  
ORCID ID: 0000-0002-8040-1810; irina-vd@mail.ru

**Abstract:** The paper deals with the retrospective dynamics and transformation of nomadic cattle breeding in Kazakhstan and Mongolia in the 20<sup>th</sup>–21<sup>st</sup> centuries. On the one hand, political realities separated the vectors of development of the agrarian economy of these countries, and, on the other hand, – revealed the remaining identity in the field of institutions of pastoral type of agriculture. The paper analyzes the survivability of nomadic animal husbandry. Special attention is paid to socio-economic changes in the livestock sector of Kazakhstan and Mongolia in the period of socialist development of the 1920s–1990s, as well as conditions of partial or complete returning to nomadic type of animal husbandry since the early 1990s. Based on statistical materials, the current state of livestock in Kazakhstan and Mongolia is characterized, and the main problems are identified. Since the beginning of the 1990s, the livestock of Kazakhstan has experienced a collapse, the number of cattle by the beginning of the 2000s has decreased by three times. Only after 2005 started the restoration of livestock, mainly in private households. As a result, the concentration of meat production in small farms led to low marketability and the need for import. Only the livestock sector develops nowadays in Mongolia; in the 2010s, the number of livestock doubled, while grain production in the country for the period of 1990–2017 decreased three times, while domestic demand for grain was covered by import. The study shows the misbalances of Mongolian nomadic cattle reproduction due to the rapid growth of livestock in the 2010s, such as: The ratio of cattle quantity versus the labor force quantity; increase in cattle quantity versus the reduction of pasture restoration period; the excess in meat production versus the lack of production capacity to process it; the deficit of markets. The article raises the question, whether nomadic animal husbandry can be considered a special “Technological mode of production” in agriculture of the countries of East and Central Asia.

**Keywords:** Kazakhstan, Mongolia, nomadic cattle breeding, meat production, pastures.

**For citation:** Deryugina I. V. Nomadic cattle breeding in Kazakhstan and Mongolia as a factor in the development of agriculture in the XX–XXI centuries. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 4. Pp. 95–105. DOI: 10.31857/S086919080005959-1

Можно ли рассматривать хозяйство скотоводов-кочевников как специфический технологический способ производства, действующий в отдельных странах Азии? В полутораковой дискуссии о месте номадизма в общественном историческом процессе кочевничество было выделено как особый способ производства такими историками, как Г. Е. Марков, Н. Э. Масанов и Н. Н. Крадин. При этом Г. Е. Марков и Н. Э. Масанов рассматривали его как особый номадный способ производства, а Н. Н. Крадин – как экзополитарный [Крадин, 2001, с. 113; Масанов, 2011]. Г. Е. Марков определял кочевничество как особую форму хозяйственной деятельности и связанного с ней образа жизни [Марков, 2010, с. 283]. В современный период продолжают возникать новые теоретические подходы к осмыслению кочевничества, но большее внимание уделяется философско-социальному прочтению номадизма, появилась категория «нового номадизма» как формы единства движения и пространства.

Задача настоящей статьи проанализировать живучесть номадного способа ведения сельского хозяйства на примере Казахстана и Монголии в XX–XXI вв., а также рассмотреть кочевое животноводство в качестве специфического технологического способа производства.

В XXI в. кочевое животноводство в различных формах сохраняется в 50 странах мира. Однако Казахстан и Монголия выделяются на этом фоне – это две крупные страны, где на протяжении XIX–XX вв. власть предпринимала неоднократные попытки перевести кочевников-скотоводов на оседлый образ жизни, при этом «настойчиво поощряя» развитие земледелия. Однако на рубеже XX–XXI вв. начинает проявляться реномадизация [Грайворонский, 2017] – процесс, который может рассматриваться как возвращение к исконному технологическому способу производства в сельском хозяйстве – кочевому животноводству.

Кочевое животноводство, которое сформировалось в природно-климатических условиях степей Центральной и Восточной Азии, с конца XIX в. стало меняться, принимая полуоседлую или полукочевую формы. К началу XX в. в Казахстане и Монголии практически не осталось полностью кочевого хозяйства. В чем же проявлялись различия? При полукочевой форме стада паслись круглый год на ограниченной площади, но скотоводство оставалось основным видом занятости большей части населения; при полуоседлом – скотоводство принимало отгонно-пастбищную форму, скот пасли и перегоняли на отдаленные пастбища пастухи, а основная часть населения занималась другими видами деятельности. Как при первой, так и при второй форме дальность кочевания не являлась решающим признаком, определяющим кочевничество. В начале XX в. полуоседлое скотоводство преобладало в Казахстане, а полукочевое – в Монголии [Марков, 2010, с. 283].

В истории становления сельского хозяйства в Казахстане и Монголии фиксируется множество общностей. Политические реалии конца XIX – начала XXI в. развели векторы развития аграрной экономики этих двух стран, с одной стороны, а с другой – выявили сохраняющуюся идентичность в области неформальных институтов скотоводческого типа организации хозяйства.

В *Казахстане* в конце XIX в. получают распространение новые социально-экономические явления, связанные с присоединением к Российской империи. Государство предприняло попытку создать на территориях, заселенных казахами, оседлый тип сельского хозяйства, вводя ограничения на исконный кочевой тип животноводства. Законодательное оформление седентаризация получила, начиная с реформы 1867–1868 гг. (пункт 199), регулирующей земельное устройство на этих территориях. Вся земля объявлялась собственностью государства и передавалась в пользование аульным общинам. Именно пункт № 199 явился впоследствии юридическим основанием для передачи царским правительством России части казахских земель крестьянам-переселенцам из Центральной России. Теперь за кочевку на этих землях казахи должны были выплачивать аренду, однако казахи, принявшие христианство и согласившиеся заниматься земледелием, могли бесплатно получить землю под пашню.

Этнический фактор в это время выступал на передний план и проявлялся в разделении сфер деятельности исконно национального населения, замыкавшегося главным образом в рамках кочевого скотоводческого хозяйства, и переселенцев из России, развивавших земледельческое полунатуральное хозяйство. Животноводство в северных областях и в местах соприкосновения с русскими переселенцами постепенно переходило к отгонно-пастбищному типу (об этом, в частности, свидетельствует разведение крупного рогатого скота), а в южных областях оставалось классическим кочевым. В целом с конца XIX в. до конца 1920-х гг. происходило постепенное изменение институциональной среды в сельском хозяйстве Казахстана.

Резкий шок под названием «коллективизация» негативно отразился как на земледельческом, так и на животноводческом секторе сельского хозяйства. Однако худшая участь постигла скотоводческие хозяйства кочевников. Они подверглись насильственной седентаризации. Большие группы казахского населения в значительной степени исчезли из экономического пространства Казахстана в результате откочевок или бегства. В результате с 1928 по 1932 г. численность коренного населения сократилась с 3,6 млн до 2,3 млн человек, а поголовье скота – с 44 млн до 4 млн голов [Дерюгина, 2013, с. 90].

С середины 1950-х гг. правительство СССР, руководствуясь интересами продовольственной безопасности страны, инициировало распашку целинных земель и создание на территории Казахстана крупных зерновых совхозов, или «зерновых фабрик». За годы активной целинной кампании (1955–1960) было введено в оборот около 20 млн га посевной площади. Исходя из специфических социально-экономических условий Казахстана,

поставленные цели были выполнены, республика в середине 1980-х гг. поставляла во всесоюзный фонд свыше 50% произведенного зерна (по оценкам, 12–13 млн т) [Растяников, Дерюгина, 2004, с. 612].

В животноводческом секторе также была предпринята попытка создать крупное коллективное хозяйство, основанное, однако, на традиционной для Казахстана системе воспроизводства. Созданное на основе отгонно-пастбищной системы, коллективное хозяйство по своим базисным параметрам должно было выступать как бы продолжателем национального кочевого хозяйства, но на более высокой ступени технологической эволюции. Несмотря на то что была проведена частичная модернизация производственной базы (механизация труда на отдельных стадиях технологического процесса, селекция, ветеринарное обслуживание), кардинальной смены технологического способа производства не произошло. В то же время возникло противоречие крупного земледельческого хозяйства с отгонно-пастбищным хозяйством. Объем пастбищ сокращался, они не успевали восстанавливаться из-за нарушения традиционных технологий кочевничества, в частности кочевков по одним маршрутам. В результате уровень рентабельности животноводческих колхозов был отрицательный, равный –20%, в то время как рентабельность зернопроизводящих совхозов доходила до +90%. С начала 1990-х гг. коллективный животноводческий сектор сельского хозяйства, созданный с такими усилиями, перестал существовать [Растяников, Дерюгина, 2005, с. 272].

В Монголии в конце XIX в. преобладало полукошачье скотоводство. В отличие от казахов монголы кочевали круглый год, производя четыре перекочевки: зимнюю, весеннюю, летнюю, осеннюю. Кочевание осуществлялось в границах сомона, к которому принадлежали хозяйства. В этот период в первую очередь в северо-западных областях Монголии стало играть определенную роль земледелие, но эта роль была подсобной по отношению к скотоводству – земледелие не изменило кочевой жизни и не создало оседлых поселений. В первую очередь им занимались потерявшие стадо кочевники, однако после восстановления благосостояния они возвращались к привычному кочевому скотоводству. Также выращивание зерна практиковалось на границе с Россией, в периоды подъема цен на зерно на приграничных рынках. Так как пашни могли существовать только в нескольких пунктах, то кочевание было организовано таким образом, чтобы попадать к пашням в период вспашки, посева и сбора зерна [Марков, 2010, с. 114–115].

После создания Монгольской Народной Республики (1924) сельское хозяйство страны в «мягком» варианте повторило курс социалистической трансформации, который прошел аграрный сектор Казахстана. Под влиянием СССР в начале 1930-х гг. была проведена коллективизация. До конца 1940-х гг. скот еще принадлежал аратам, но с начала 1950-х гг. в стране началось его обобществление и превращение аратов-скотоводов в членов сельскохозяйственных объединений (СХО). Уже в 1960 г. кооперированием было охвачено 99.6% аратских хозяйств, 72% всего поголовья скота перешло в собственность СХО. Если до кооперирования аратов имел место скачок в росте поголовья скота – с 9.6 млн голов (1918) до 22.7 млн голов (1950), то после образования СХО рост численности скота затормозился, и в 1960 г. показатель составил 22.6 млн голов [*Народное хозяйство МНР*, 1981]. В 1970-х гг. СХО приняли форму «кочующих хозяйств».

По примеру СССР в Монголии была поставлена задача освоения целины и создания госхозов. В 1959–1960 гг. было освоено 260 тыс. га целинных земель, и в 1960 г. площадь пашни составила 624 тыс. га, что позволило стране в начале 1960-х гг. практически отказаться от импорта зерна. Однако в 2017 г. импорт зерна восполнял до 50% совокупного спроса на зерно [FAOSTAT].

В начале 1990-х гг. в сельском хозяйстве Монголии была проведена приватизация, и все имущество СХО перешло в частную собственность. Приватизация практически завершилась в 1992 г. Быстрое завершение процессов приватизации в сельском хозяйстве

объясняется легкой «делимостью» основных средств производства в аграрном секторе, главным образом скота.

На сегодняшний день Казахстан и Монголия – две крупные страны, расположенные в Центральной и Восточной Азии. В Казахстане 43%, в Монголии – 32% населения проживает в сельской местности. Также страны характеризуются высоким уровнем занятости в сельском хозяйстве: в Казахстане – 18%, а в Монголии – 29% всех занятых трудится в аграрном секторе. Однако вклад сельского хозяйства в национальный ВВП в Монголии существенно выше, так в Казахстане 4.7% ВВП создается в аграрном секторе, а в Монголии – 11.9% (см. *табл. 1*). При сравнении структуры ВВП и структуры занятости можно отметить заметное наличие аграрного перенаселения, ибо доля занятых в сельском хозяйстве в 3–4 раза выше доли ВВП, созданного в отрасли. Соответственно производительность труда в аграрном секторе отличается относительно низкими значениями. Так, по оценке ФАО, в 2015 г. в Казахстане данный показатель составил 3.1 тыс. долл. на работника, а в Монголии – 2.9 тыс. долл. на работника (сопоставимые цены 2005 г.) [FAOSTAT]. Для сравнения в России данный показатель равнялся 10.1 тыс. долл. на работника, в США – 79.9 тыс. долл. на работника, а в Китае – 1.2 тыс. долл. на работника [Растянников, Дерюгина, 2017, с. 91, 95].

Т а б л и ц а 1

*Численность населения, численность занятого населения, валовой внутренний продукт (ВВП) в 2017 г.*

	Численность населения, тыс. человек		Численность занятых, тыс. человек		ВВП (действующие цены)		
	Всего	Сельское население	Всего	Сельское хозяйство	Всего, млрд долл. США	Доля в сельском хозяйстве	На душу населения, долл. США
Казахстан	18204	7791 (43%)	8585	1553 (18%)	159.4	4.7%	8756
Монголия	3076	974 (32%)	1256	367 (29%)	11.1	11.9%	3620

Источник: [Mongolian statistical information service; UNCTADSTAT; *The Global Economy*].

Сельскохозяйственная площадь в 2017 г. в Казахстане занимала 80% всей используемой площади страны, а в Монголии – 72%, притом что в Монголии с 2000 г. наблюдалось резкое сокращение сельскохозяйственных площадей за счет расширения площадей, на которых ведется добыча ресурсов, деградации пастбищ. Как в Казахстане, так и в Монголии львиная доля сельскохозяйственных площадей занята пастбищами. В Казахстане в 2017 г. удельный вес пастбищ составлял 75% сельскохозяйственной площади, а посевной площади – 14%. В Монголии пастбища занимали 99.5% всей сельскохозяйственной площади, а пашня – всего 0.5% (см. *табл. 2*).

В Казахстане удалось создать два сектора в сельском хозяйстве – растениеводство и животноводство [Дерюгина, 2018, с. 223]. Земледельческий сектор, созданный в бытность СССР в расчете на вывоз зерна, продолжил функционировать в качестве экспортно-ориентированной отрасли и после рыночных реформ 1990-х гг., хотя не избежал провалов. Производство зерновых за десятилетие к началу 2000-х гг. упало в два с половиной раза (см. *табл. 4*). Но в 2010-х гг. производство зерна восстановилось, и в 2018 г. из 22.8 млн т произведенного в Казахстане зерна на мировой рынок поступило 11.2 млн т, т.е. 50% [FAOSTAT]. В Монголии развивается практически только животноводческий сектор, национальное производство зерна за период 1990–2017 гг. сократилось в три раза (см. *табл. 4*), а внутренний спрос на зерно обеспечивается в основном за счет им-

порта. В 2016 г. при производстве зерна в Монголии в 483.4 тыс. т, было импортировано 284.4 тыс. т [FAOSTAT]. Посевные площади за период 1990–2017 гг. сократились в обеих странах, но в Казахстане они снизились на 18%, а в Монголии – почти на 60% (см. *табл. 2*). В Казахстане на фоне падения посевных площадей тем симптоматичнее выглядит увеличение площади пастбищ, которые возросли на 4 млн га. В Монголии в рамках общего тренда сокращения сельскохозяйственных площадей произошло также снижение площади пастбищ – на 10%, но такое снижение было относительно меньшим по сравнению с посевными площадями (см. *табл. 2*).

Т а б л и ц а 2

*Распределение сельскохозяйственных площадей, млн га*

	Казахстан			Монголия		
	Сельско-хозяйственная площадь	Посевная площадь	Площадь пастбищ и лугов	Сельско-хозяйственная площадь	Посевная площадь	Площадь пастбищ и лугов
1960	217.5	33.1	161.4	140.6	0.624	138.9
1990	221.5	35.5	161.8	125.6	1.371	123.9
2000	215.4	30.2	162.2	130.4	1.176	128.8
2010	217.2	28.7	165.0	113.6	0.617	113.0
2017	217.0	29.4	164.1	111.1	0.572	110.5

Источник: [Дерюгина, 2013, с. 96; *Страны-члены СНГ, 1992; Страны содружества 2017; FAOSTAT*].

С начала 1990-х гг. животноводческий сектор Казахстана пережил коллапс [Александров, 2013, с. 152]. Производство мяса к началу 2000-х гг. упало почти в три раза. Также в три раза снизилось поголовье скота, причем в наибольшей степени падение коснулось животных в категории «овцы и козы», т.е. тех, которые после аграрной реформы, начавшейся в середине 1990-х гг., были сосредоточены в личных хозяйствах населения. Только после Закона о личном хозяйстве 2005 г. началось восстановление поголовья, но пока уровень 1990 г. не достигнут (см. *табл. 3*).

Несмотря на незатухающие попытки правительства создать крупное стойловое хозяйство (такое, как холдинг «КазАгро»), на категорию «сельскохозяйственные предприятия» в секторе животноводства в конце 2000-х гг. приходилось 7.5% поголовья скота, на «крестьянские/фермерские хозяйства» – 6.5% и на «хозяйства населения» – 86% [Дерюгина, 2013, с. 92]. Мяса же в 2017 г. производилось в сельскохозяйственных предприятиях 25%, в крестьянских/фермерских хозяйствах – 19, в хозяйствах населения – 56% совокупного объема [Дерюгина, 2018, с. 230]. Крупные сельскохозяйственные предприятия ориентированы исключительно на производство мяса птицы и частично на производство мяса крупного рогатого скота. В 2000–2017 гг. поголовье скота выросло на 75%, включая рост поголовья крупного рогатого скота на 60%, а поголовья овец и коз – на 90% (см. *табл. 3*). Таким образом, восстановление поголовья скота произошло за счет традиционного отгонно-пастбищного скотоводства, сосредоточенного в хозяйствах населения. Особенность животноводческого сектора Казахстана состоит в том, что хозяйства населения – полунатуральные по своей природе – не могут эффективно поставлять на рынок в масштабах всей страны мясную продукцию в объемах, достаточных для удовлетворения совокупного спроса. Поэтому страна вынуждена возмещать до 20% потребности в мясной продукции за счет импорта, так, в 2016 г. ввезено 211.3 тыс. т мяса, в том числе 164.5 тыс. т мяса кур [FAOSTAT].

Т а б л и ц а 3

## Количество поголовья скота, тыс. голов

	Казахстан			Монголия		
	Всего	Крупный рогатый скот	Овцы, козы	Всего	Крупный рогатый скот	Овцы, козы
1960	37 602	5 515	28 887	22 574	1 905	17 733
1990	48 850	9 757	35 660	25 856	2 693	19 224
2000	16 159	4 106	9 981	30 227	3 825	26 225
2010	27 068	6 105	17 370	32 729	2 176	28 364
2017	28 364	6 774	18 329	66 218	4 388	57 457

Источник: [Министерство национальной экономики Республики Казахстан; Mongolian statistical information service].

Несмотря на все реформы – как социалистические, так и рыночные, животноводческий сектор Казахстана и Монголии значительно эффективнее развивался по правилам традиционного скотоводства – в вариантах отгонно-пастбищного, полукочевого или классического кочевого скотоводства. С начала 2010-х гг. животноводческий сектор Монголии переживает период циклического подъема. За период 2010–2017 гг. совокупное поголовье скота увеличилось в два раза, причем темпы роста были одинаковы как для поголовья крупного рогатого скота, так и для поголовья овец и коз (см. табл. 3).

В Монголии, в то время как быстрыми темпами росло поголовье скота, производство мяса увеличивалось значительно меньшими темпами. С 2000 г. по 2017 г. совокупное производство мяса поднялось на 25%, а производство на душу населения – на 15% (см. табл. 4).

Т а б л и ц а 4

## Производство мяса (в убойном весе), производство зерна

	Казахстан			Монголия		
	Производство мяса		Производство зерна всего, тыс. тонн	Производство мяса		Производство зерна всего, тыс. тонн
	Всего, тыс. тонн	На душу населения, кг/чел.		Всего, тыс. тонн	На душу населения, кг/чел.	
1960	550.3	59.6	18 826	165.5	145.1	124.4
1990	1560.2	65.0	28 488	248.9	119.9	718.3
2000	574.7	40.5	11 539	288.0	129.9	143.3
2010	874.3	65.9	12 116	204.8	73.5	355.0
2017	951.2	67.8	20 129	354.8	149.5	238.0

Источник: [Mongolian statistical information service; FAOSTAT].

Скачкообразный рост поголовья скота в Монголии во втором десятилетии XXI в. осветил противоречия кочевого скотоводства, которые проявились в нарушении основных балансов воспроизводства – соотношение количества скота и численности рабочей силы, увеличение количества скота и сокращение периода восстановления пастбищ, избыточное производство мяса и недостаток производственных мощностей для его переработки, отсутствие рынков сбыта. То есть, по сути, имеется традиционное производство, которое должно встраиваться в современную экономику и в частности в мировой рынок. Если для развивающихся стран Азии в секторе растениеводства эта проблема уже реше-

на через различные варианты контрактного фарминга, то кочевое животноводство пока находится за пределами мирового рынка, за исключением точечных подотраслей, например продаж шерсти.

Кратко рассмотрим перечисленные дисбалансы. Во-первых, при резком увеличении поголовья скота в последние годы наблюдается стабильное сокращение количества хозяйств скотоводов, также падает численность пастухов. Поголовье скота с 1990 по 2017 г. возросло в два с половиной раза (см. *табл. 3*), а количество хозяйств скотоводов сократилось за этот период с 289 тыс. до 231 тыс. [*Mongolian statistical information service*]. Следовательно, средняя плотность скота на одно хозяйство возросла с 90 голов до 287 голов, или в три с лишним раза. В. В. Грайворонский отмечал, что нагрузка на одного пастуха за период 2000–2015 гг. увеличилась с 71 головы скота до 202 голов [Грайворонский, 2018, с. 53]. А к 2017 г., когда в Монголии насчитывалось 288.7 тыс. пастухов, этот показатель составил 229 голов скота [*Mongolian statistical information service*]. Надо четко представлять, что баланс труда (пастухи) и капитала (скот) в традиционном производстве не может выходить за определенные рамки. Даже с учетом новых средств передвижения, инновационных систем связи, которые активно внедряются в скотоводческое производство в Монголии, должен существовать предел нагрузки на одного работника.

Здесь надо подчеркнуть, что в системе международного разделения труда Монголия начинает играть заметную роль в мировой добыче ресурсов, в частности в экспорте ресурсов в Китай. Добывающая промышленность Монголии – это одна из немногих отраслей в мировом хозяйстве, где требуется приток неквалифицированной рабочей силы. Именно она оттягивает на себя уже даже не избыточную, а необходимую рабочую силу из кочевого скотоводства. Не могу не отметить, что с 2000 по 2017 г. добыча угля в Монголии выросла почти в десять раз, а золота и железной руды – более чем в три раза [*Mongolian statistical information service*]. Однако сегодня невозможно сказать, что кочевой способ производства сужается в объемах или идет его разложение, он, наоборот, переживает фазу подъема.

Во-вторых, определяющим фактором для эффективного экономического роста при кочевом способе ведения сельского хозяйства является нагрузка на пастбища. В Монголии «наблюдается существенное превышение общей численности скота по сравнению с естественными пастбищами» [Грайворонский, 2018, с. 55]. Если в 1990 г. на 100 гектарах пастбищ выпасалось 19 голов скота, то в 2017 г. – уже 60 голов [FAOSTAT]. Таким образом, снижается возможность естественного восстановления пастбищ. Пока широко не изучались предельные нормы выпаса скота в расчете на 100 га пастбищ при кочевом животноводстве в условиях нестабильного климата Монголии, но в Казахстане на 100 гектарах восстановленных пастбищ может содержаться, в зависимости от региона, до 200 голов скота, а на деградированных – до 50 голов [Об утверждении предельно допустимой нормы, 2015].

В-третьих, быстрый рост поголовья скота привел к избыточному производству мяса, для переработки которого в Монголии не были предусмотрены производственные мощности. Производство мяса на душу населения в 2017 г. увеличилось до 149.5 кг – чрезвычайно высокого показателя для натурального или полунатурального хозяйства (см. *табл. 4*). В 1960–1990-х гг. Монголия экспортировала от 15 тыс. т мяса (1960) до 40 тыс. т мяса (1980), главным образом, мяса крупного рогатого скота и овец. С 1990-х гг. объемы вывоза мяса стали падать, и в 2016 г. на мировой рынок было поставлено 9.5 тыс. т мяса, из них 8 тыс. т приходилось на конину. Причем в том же году импорт мяса в Монголию увеличился до 10 тыс. т, по преимуществу мяса кур и свиней, которое практически не производится внутри страны [FAOSTAT]. Таким образом, современный спрос на мясо, подпитывающийся демонстрационным эффектом в среде городского на-

селения, вступает в противоречие с традиционным типом производства, основанным на кочевом способе производства.

Можно ли признать кочевое скотоводство как специфический способ производства в сельском хозяйстве Казахстана и Монголии? Отвечая на этот вопрос, рассмотрим три положения.

Первое. Исторический опыт Казахстана и Монголии свидетельствует о живучести кочевого способа производства – под давлением обстоятельств кочевники переходили на частично оседлый образ ведения хозяйства, но при свободном выборе возвращались к своим истокам. Власть неоднократно предпринимала попытки трансформировать традиционный сектор скотоводства, изменяя институты собственности, свободу передвижения, управление, но радикально не меняя обычаи, тип организации жизни, нормы поведения. Однако при этом она нарушала очень существенный для функционирования кочевого общества институт, превращая скотовода из члена – представителя реальной коллективной собственности в псевдонаемного работника, отчужденного от собственности [Дерюгина, 2013, с. 96]. Все эти попытки в итоге потерпели провал.

Второе. Специфика кочевого хозяйства в том, что оно способно использовать только ограниченное число рабочих рук. Как только начинался дисбаланс численности рабочей силы и количества скота, происходил отток занятых, переход в другие сферы деятельности. В кочевом способе производства ни скот, ни пастбища, ни переработка продукции не образуют отдельно способа производства, только навыки человеческой деятельности, ментальность, специфический характер труда дают возможность этим составляющим существовать как отдельный способ производства [Марков, 2010, с. 289].

Третье. Что мы понимаем под технологическим способом производства? В марксистской формационной теории он определялся как единство производительных сил и производственных отношений, спусковым механизмом его трансформации считались изменения производительных сил, которые влекли за собой сдвиги в производственных отношениях. Однако, изучая технологический способ производства применительно к земледелию стран Востока и Запада, мы выделяли значительно большую палитру характеристик [Растяйников, Дерюгина, 2017, с. 70–85]. В современной земледелии сосуществуют два основных технологических способа производства – «трудосберегающий» в сельском хозяйстве стран Запада и «землесберегающий» в сельском хозяйстве стран Востока. Отличия между этими двумя технологическими способами производства характеризуются «альтернативными пропорциями в соотношении ресурсов труда и земли», на базе которых сформировались различные технологические навыки ведения сельского хозяйства, мотивация производственной деятельности, ментальность производителя. Историческая динамика свидетельствует, что модернизация сельского хозяйства при двух технологических способах производства происходит по различной траектории. Доказано, что модернизация производительных сил и изменение экономических (производственных – по Марксу) отношений не ведут к смене технологического способа производства [Дерюгина, 2018, с. 17–22]. Поддерживают стабильность их существования именно вековые навыки ведения аграрного хозяйства и ментальность непосредственных производителей – все факторы, которые объединены в понятие «неформальные институты».

Если исходить из соединения таких базовых отношений производства в сельском хозяйстве, как производительные силы, экономические отношения, неформальные институты, в которые включены непосредственные производители, то кочевое животноводство вполне может быть рассмотрено как специфический технологический способ производства в сельском хозяйстве. Что же касается возможностей его модернизации, то это – задача отдельного исследования. При этом необходимо подчеркнуть, что «зеленая революция», которая внедрила научно-технический прогресс в земледелие развивающихся стран Востока и создала новый тип аграрного производителя, практически не затронула

неформальные отношения в сельском хозяйстве Востока, не изменила ни отношение непосредственного производителя к земле, ни ментальность и мотивацию крестьянина.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Александров Ю. Г. *Казахстан перед барьером модернизации*. М.: ИВ РАН, 2013 [Alexandrov Yu. G. *Kazakhstan before the barrier of modernization*. Moscow: IOS RAS, 2013 (in Russian)].

Грайворонский В. В. *Монголия в начале XXI века: политика, экономика, общество*. М.: ИВ РАН, 2017 [Grayvoronskiy V. V. *Mongolia at the beginning of the XXI century: politics, economy, society*. Moscow: IOS RAS, 2017 (in Russian)].

Грайворонский В. В. Монголия: пастбищно-кочевое животноводство – рекордный рост скота и экологическая угроза. *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 9. С. 49–55 [Grayvoronskiy V. V. Mongolia: pastoral nomadic livestock husbandry's record growth and ecological challenge. *Asia and Africa today*. 2018. No. 9. Pp. 49–55 (in Russian)].

Дерюгина И. В. Роль социальных институтов в аграрной экономике Казахстана (конец XIX – начало XXI вв.). *Рынок и социальные проблемы. Восток – Россия: сборник статей*. Отв. ред. Р.Г. Ланда, Н.Н. Цветкова. М.: ИВ РАН, 2013. С. 84–98 [Deryugina I. V. the Role of social institutions in the agrarian economy of Kazakhstan (late XIX – early XXI centuries). *Market and social problems. East – Russia: collection of articles*. Ed. by R. G. Landa, N. N. Tsvetkova. Moscow: IOS RAS, 2013. Pp. 84–98 (in Russian)].

Дерюгина И. В. *Сельское хозяйство стран Азии и Северной Африки: экономический рост и модернизация*. М.: ИВ РАН, 2018 [Deryugina I. V. *Agriculture of Asia and North Africa: Economic Growth and Modernization*. Moscow: IOS RAS, 2018 (in Russian)].

Крадин Н. Н. Кочевники в мировом историческом процессе. *Философия и общество*. 2001. № 2(23). С. 108–138 [Kradin N. N. Nomads in the world historical process. *Philosophy and society*. 2001. No. 2(23). Pp. 108–138 (in Russian)].

Марков Г. Е. *Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации*. М.: Кранд, 2010. 2-е изд. [Markov G. E. *Nomads of Asia: the economy and public organizations*. Moscow: Krasand, 2010. 2nd ed. (in Russian)].

Масанов Н. Э. *Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества*. 2-е изд. Алматы: Фонд Нурбулата Масанова, 2011 [Masanov N. E. *Nomadic civilization: the foundations of life migratory habits of society*. 2-е. Almaty: The Nurbulat Masanov Foundation, 2011 (in Russian)].

*Народное хозяйство МНР в 1981 г.* Статистический сборник. Улан-Батор [б. и.], 1981 [National economy of the MPR in 1981. Statistical collection. Ulaanbaatar, 1981 (in Russian)].

Растянных В. Г., Дерюгина И. В. *Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан*. М.: ИВ РАН, 2004 [Rastyannikov V. G., Deryugina I. V. *Models of agricultural growth in the twentieth century. India, Japan, USA, Russia, Uzbekistan, Kazakhstan*. Moscow: IOS RAS, 2004 (in Russian)].

Растянных В. Г., Дерюгина И. В. *Экономический рост в аграрном секторе России. Проблемы XX века*. М.: Информационно-издательский центр «Статистика России», 2005 [Rastyannikov V. G., Deryugina I. V. *Economic growth in the agricultural sector of Russia: problems of the twentieth century*. Moscow: Information & Publishing Centre Statistics of Russia, 2005 (in Russian)].

Растянных В. Г., Дерюгина И. В. *Сельское хозяйство: Восток vs Запад. Два технологических способа производства*. М.: ИВ РАН, 2017 [Rastyannikov V. G., Deryugina I. V. *Agriculture: East vs West. Two technological modes of production*. Moscow: IOS RAS, 2017 (in Russian)].

*Содружество независимых государств в 2017 году. Статистический ежегодник*. М.: Статкомитет СНГ, 2018. [Commonwealth of independent States in 2017. Statistical yearbook. Moscow: CIS Stat, 2018. (in Russian)].

*Страны-члены Содружества Независимых Государств в 1991 г. Статистический ежегодник*. М.: ООО «Нонпарель», 1992 [Countries-members of the Commonwealth of Independent States in 1991. Statistical Yearbook. Moscow: ООО “Nonparel”, 1992 (in Russian)].

## INTERNET SOURCES

Министерство национальной экономики Республики Казахстан. Комитет по статистике // [http://stat.gov.kz/faces/homePage?\\_adf.ctrl-state=agi73904d\\_143&\\_afzLoop=7408554212631043](http://stat.gov.kz/faces/homePage?_adf.ctrl-state=agi73904d_143&_afzLoop=7408554212631043) (accessed: 30.04.2019) [Ministry of national economy of the Republic of Kazakhstan. Committee on statistics // [http://stat.gov.kz/faces/homePage?\\_adf.ctrl-state=agi73904d\\_143&\\_afzLoop=7408554212631043](http://stat.gov.kz/faces/homePage?_adf.ctrl-state=agi73904d_143&_afzLoop=7408554212631043)].

Об утверждении предельно допустимой нормы нагрузки на общую площадь пастбищ. Приказ Министра сельского хозяйства Республики Казахстан от 14 апреля 2015 года № 3-3/332 // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500011064> (accessed: 29.04.2019) [On approval of the maximum permissible load on the total area of pastures. Order of the Minister of agriculture of the Republic of Kazakhstan dated April 14, 2015 № 3-3/332 332 // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500011064>].

FAOSTAT // <http://www.fao.org/faostat/ru/#data/CL> (accessed: 30.04.2019).

Mongolian statistical information service // <http://www.1212.mn/> (accessed: 28.04.2019).

The Global Economy // [https://ru.theglobaleconomy.com/Kazakhstan/Employment\\_in\\_agriculture/](https://ru.theglobaleconomy.com/Kazakhstan/Employment_in_agriculture/) (accessed: 28.04.2019).

UNCTADSTAT. <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> accessed: 26.04.2019).

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДЕРЮГИНА Ирина Владимировна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Irina V. DERYUGINA – PhD (Economics), Leading Research Fellow. Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia.